

История философии

03 Греческие софисты

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Мы два дня говорили о досократиках, и я надеюсь, что к этому моменту вы уже довольно хорошо понимаете, чем они занимались. Обычно их рассматривают как донаучные космологические спекуляции, но в то же время через все это проходит и в некотором смысле лежит в основе всего их попытки понять эту столь примечательную, замечательную параллель между упорядоченным единством природы, упорядоченным единством города-государства и упорядоченным единством нравственной жизни человека, как это, по крайней мере, должно быть. И, соответственно, то, что можно назвать метафизическим обоснованием морали.

Мыслим в терминах этики, основанной на самой природе реальности. Метафизическое обоснование морали. Теперь, когда мы обращаемся, как сейчас, к софистам, мы обнаруживаем, что не все из них, но в большинстве своем, софисты выступают в противовес тому, что происходило раньше.

Им это не нравится. И, по сути, если добавить к двум моментам, которые мы подчеркивали в отношении досократиков, третий момент, который мы упомянули мимоходом, а именно их попытки понять или начальное развитие концепции Бога, то они скептически относятся и к этому. Таким образом, по сути, у софистов мы находим, прежде всего, скептицизм в отношении возможности познания истины о реальности.

О природе. А термин «природа», по мнению греков, просто означает то, что есть. Скептицизм в отношении знания истины о реальности.

Создается впечатление, что вместо того, чтобы вступать в споры между различными группами досократиков, монистов, плюралистов и всех прочих, они, по сути, посылают чуму всем вашим лагерям и всему вашему предприятию. Они просто не хотят этого. Они отказываются от этого.

И вот некоторые из их жалоб, например, заключаются в том, что мы постоянно сталкиваемся с несовместимостью различных позиций. Или с тем, что иногда называют, особенно в последние годы, несоизмеримостью определенных позиций. Просто невозможно перевести одну позицию на язык другой.

Они просто не подходят. Они не сочетаются. Разваливаются.

Но, кроме того, существует равноправие аргументов. Равноправие просто означает, что аргументы «за» не имеют большего веса, чем аргументы

«против». Таким образом, аргументы в пользу одной позиции нейтрализуются аргументами в пользу другой позиции или против первой позиции.

По мере продвижения. И эти особенности, проявляющиеся в некоторых суффиксах, характерны для скептицизма в последующей истории. Существуют определенные аргументы в пользу позиции, согласно которой невозможно знать истину.

Характерной чертой является аргумент, основанный на равнозначности аргументов. Вновь делается акцент на несоизмеримости альтернатив. И, конечно же, на противоречивости несовместимости, присущей всему спектру различных точек зрения.

Итак, если софисты не одобряют и отвергают то, что делали досократики в своей донаучной космологии, что же они делают вместо того, чтобы пытаться постичь истину? Они обращаются от поиска знаний к практике риторики. К попытке убедить нелогическими средствами. Понимаете?

Таким образом, если хотите, софисты, похоже, больше преданы риторике, чем философии. Риторике, а не какой-либо науке. Следует помнить, что слово «наука» примерно до 1800 года означало просто знание теоретического характера.

Таким образом, они скептически относятся к космологии. Более того, их интересуют практические, а не теоретические вопросы. Практические вопросы, где, по крайней мере, следуя линии досократической мысли, можно было бы ожидать появления этических проблем.

Забота о благополучной, упорядоченной жизни, основанной на морали, исходящем из природы вещей. Но софисты придерживаются иного мнения. Они предпочитают рассматривать мораль как нечто условное.

Это просто вопрос общественного согласия, общественной практики, возможно, того, что мы бы назвали общественным договором, и поэтому они довольно релятивистские. Они больше ориентированы на достижение успеха, победу в дебатах и спорах, чем на поиск истины и справедливости. Понимаете?

По крайней мере, такую картину мы получаем из некоторых их фрагментов, а также из трудов Платона и Сократа. Другими словами, мы видим в софистах отношение Демокрита с его материализмом. За исключением того, что у софистов нет материалистической метафизики, у них нет никакой метафизики.

Демокрит, как вы помните, отвергал идею о том, что мораль основана на природе реальности, упорядочена каким-то рациональным принципом. Нет,

для Демокрита то, как складываются события, — дело случая. Поэтому используйте свои знания, чтобы получать удовольствие, но избегайте болезненных излишеств.

Да, некоторые софисты действительно гедонистичны, но в любом случае они отвергают любое представление о естественном моральном законе, которое начинает появляться у досократиков. Отвергают любое представление о естественном моральном законе. Морали, основанной на природе вещей .

А вместо того, чтобы противостоять этому, альтернативой является этический релятивизм. Довольно обстоятельный этический релятивизм. Если вас интересуют более подробное изучение этого вопроса, стоит обратить внимание на недавние работы философа Аласдера Макинтайра.

Аласдер Макинтайр, ныне работающий в Нотр-Даме, написал серию из трех томов, на которые я сошлюсь позже, посвященных истории этики в этом контексте. Пытаясь отвлечь наше внимание от этики ролей, где существует столько несоизмеримости между различными подходами, он считает, что из этого никуда не продвинешься. Он обращает наше внимание не к релятивизму, поскольку отвергает и эту альтернативу, а скорее к этике, которая делает акцент на добродетелях.

Это традиция, уходящая корнями в Платона и Аристотеля. Его последняя книга в этом отношении называется «Три конкурирующих подхода к нравственному исследованию». Три конкурирующих подхода к нравственному исследованию.

Одна из этих версий — это этика эпохи Просвещения XVIII века, которая рассматривала этику как науку, развивающуюся кумулятивно до тех пор, пока мы все не достигнем полного согласия относительно добра, праведности и всего остального. Другая — это этика, представленная такими людьми, как Ницше, полностью релятивистская, следовательно, возвращающаяся к стремлению к власти, а не к справедливости. Интересные отголоски некоторых софистов.

А третья — это этика добродетели, восходящая к платоновско-аристотелевской традиции. И она гораздо полнее разработана у Фомы Аквинского. Так что это очень интересная тема.

Именно здесь кроется суть современных дебатов об этической теории. Интересно, как во многом это восходит к античности. Другими словами, по мнению Макинтайра, чтобы понять ситуацию 1990-х, точнее, 1980-х годов (он писал это в 80-е, хотя сейчас уже 90-е), чтобы понять этическую ситуацию 90-х, нужно обратиться к Древней Греции.

Видите ли, это история о том, как мы пришли к тому, где мы сейчас находимся. Кроме того, как я уже указывал, софисты скептически относятся к возможности узнать что-либо о Боге.

Если Бог или боги существуют. Теперь взгляните на некоторые отрывки из произведений софистов, и вы поймете этот момент. Посмотрите на страницу 53 в книге Кауфмана.

Страница 53. Здесь представлены краткие отрывки из произведений Протагора. Первый из них цитируется до сих пор.

Уверен, вы это слышали. По сути, человек — мера всего сущего. Хорошо.

Вы заметите это в первом абзаце, внизу строки 53. Из всего сущего мерилом является человек. Из всего сущего — то, что оно есть.

О том, чего нет, — значит, этого нет. Хорошо. А кто определяет, что есть? Понимаете?

По всей видимости, судья — это отдельный человек. Именно мы создаём свою истину. Истина, похоже, — это скорее вопрос созидания, чем открытия.

Интересное предвосхищение того, что иногда говорят о сегодняшней ситуации. Кто-нибудь из вас пытался прочитать бестселлер Алана Блума, вышедший пару лет назад, «Закрытие американского разума»? Возможно, вы помните, что он жалуется на то, что современный студент университета говорит так, как будто истины или лжи не существует. Как будто истины или лжи не существует.

Правильно это или нет. Мы сами формируем свои ценности.

Понимаете, то, что верно для меня, может быть неверно для кого-то другого. Человек — мера всего.

В этом смысле. Поэтому протагонистское изречение часто воспринимается как квинтэссенция релятивизма. А если вы посмотрите на следующую страницу, 54, абзац номер 4, о богах.

Я не могу знать, существуют они или нет, и каковы они. Факторов, препятствующих познанию, много. Малоизвестность темы и краткость человеческой жизни.

Что ж, возможно, мы согласны с тем, что тема малоизвестна, а человеческая жизнь коротка. Но обратите внимание, что он испытывает всеобъемлющий

пессимизм по поводу возможности знания. И снова интересно, бВ, это небольшое изречение: «Сделай более слабое дело сильнее».

Не знаю, что он имел в виду. Но заставлять более слабое причинять вред более сильному звучит довольно неестественно. Понимаете?

Как будто здесь происходит инверсия какого-либо порядка. Что ж, Протагор. Следующие отрывки — из «Горгия».

И здесь скептицизм очевиден. Этот отрывок, кстати, взят из трудов Секста Эмпирика. По-моему, это его изложение пирронизма.

Секст Эмпирик был римским писателем, который пытался составить своего рода обзор, конспект, обобщение исторического скептицизма. Так появляется Горгий. И обратите внимание на три основных пункта конспекта в начале.

1. Ничего не существует. 2. Если что-то и существует, то это непостижимо. Невозможно познать.

3. Если это понятно, если это можно познать, то это непередаваемо. Об этом нельзя говорить. Трудно найти более полный скептицизм, чем этот.

Ничего не существует. Ну, вы говорите, что точно не знаете. Хорошо, тогда, если что-то и существует, я не могу знать, что это.

Ну, может быть, я и не знаю наверняка. Но даже если бы я знал, я бы не смог сказать ни тебе, ни кому-либо ещё. Я бы не смог об этом говорить.

Обратите внимание на оговорку: я не знаю наверняка, но даже если бы знал. Потому что полный скептик — это тот, кто не может утверждать, что ничего не существует. Потому что если он это знает, он не полный скептик.

Убежденный скептик не может сказать: «Я ничего не знаю». Если он может это знать, он не убежденный скептик. Убежденный скептик может лишь сказать: «Насколько мне известно, я ничего не знаю».

Насколько мне известно, ничего подобного не существует. Ну, если что-то и существует, то... И вот, перед вами «Дорогой старый Горгий». Обратите внимание, как он развивает эту мысль в главе 2 Послания к Римлянам, внизу первого столбца, в главе 55.

Если понятия разума не являются реальностью, то есть, если то, о чём мы думаем, нереально, то реальность невозможно постичь. Реальность

невозможно постичь. Если мы не можем об этом думать, то и реальность невозможно постичь.

Итак, вопрос в том, существует ли какое-либо соответствие между мыслью и реальностью. Предположительно, он считает, что истина представляет собой некое соответствие между мыслью и реальностью. Но если такого соответствия нет, то, по-видимому, мы не способны мыслить о реальности.

Или посмотрите в главе 3 Послания к Римлянам, где он говорит о проблеме общения. Шесть строк этого абзаца. То, с помощью чего мы общаемся, — это речь.

Речь — это не то же самое, что вещи, которые существуют. Поэтому мы передаем не то, что существует, а только речь. И, что важно, речь никогда не сможет точно отражать воспринимаемые вещи.

Воспринимаемое — это, очевидно, то, что мы воспринимаем. Речь никогда не сможет точно передать то, что мы воспринимаем, поскольку она отличается от этого. И воспринимаемое воспринимается каждым типом органов чувств.

Речь использует другой подход. Следовательно, поскольку объекты зрения не могут быть представлены никакому другому органу, кроме зрения, различные органы чувств не могут передавать информацию друг другу. Аналогично, речь не может передавать никакой информации о воспринимаемых объектах .

Таким образом, если что-либо существует и постигается, это невозможно передать. Вывод. Но в дальнейшем материале обратите внимание на то, что еще приписывается Горгию.

Посмотрите на это злословие в адрес Елены. Первый абзац. О каких добродетелях он говорит? Слава города – это мужество тела, красота души, мудрость поступков, добродетель речи и правда. Во всех обстоятельствах правильно хвалить достойное похвалы и порицать достойное порицания .

Обратите внимание на это сочетание добродетелей. Видите ли, когда речь заходит о мужестве и красоте, это те самые старые героические добродетели. Понимаете ? Героические добродетели.

Что он подразумевает под мудростью, неясно. Этот термин можно перевести как благоразумие. А благоразумие может просто означать заботу о себе из-за возможных последствий.

Таким образом, похоже, что Горгий здесь говорит о добродетелях героического рода. Они встречались у некоторых ранних греков и подвергались критике со

стороны таких людей, как Гесиод и другие, которые гораздо больше заботились о справедливости, чем о храбрости, привлекательной внешности и тому подобном.

Итак, читайте дальше, обратите внимание на восьмой абзац на той же странице. Речь — это великая сила, которая совершает самые божественные дела посредством самой малой и невидимой формы. Она может положить конец страху, избавить от горя, принести радость и усилить сострадание.

Сила риторики. Да, вы знаете, что значит быть вдохновлённым какой-либо речью, каким-либо оратором. Но вы, вероятно, не помните оригинальную речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта».

Помню, как сидел у телевизора, слушал и смотрел это, и мне хотелось встать и аплодировать. Риторика способна на чудеса. Что ж, посмотрите на 12-й абзац на противоположной странице.

Убеждение с помощью речи равносильно похищению силой. О, у меня не было выбора. А в пункте 13 убеждение, в сочетании с речью, может также произвести любое желаемое впечатление на душу.

Манипулятивный. И 14, власть речи над устройством души можно сравнить с воздействием наркотиков на состояние тела. Усыпляет.

Хорошо. Итак, Горгий видит огромный потенциал добра или зла. Как бы вы это ни определяли в риторике.

А теперь, давайте посмотрим. Нет, думаю, с Горгием достаточно. Еще один софист, отрывки из которого у нас нет, но который, безусловно, фигурирует в некоторых диалогах Платона, особенно в «Республике», — это Трасимах.

И у Штумпфа есть упоминание о нем в его труде о софистах. Но Трасимаху приписывается изречение о том, что справедливость — это интерес сильнейшего. Справедливость — это интерес сильнейшего.

Или, если хотите, может Это означает, что именно те, кто обладает властью, говорят вам, что правильно. Именно этот тезис Фридрих Ницше разработал около 1900 года в своей работе о генеалогии морали.

Да, действительно. Таким образом, Трасимах предстает, если хотите, этическим релятивистом. Но этический релятивист понимает, что сила морального убеждения заключается в силе риторики.

Что же такого особенного в риторике? То, что она апеллирует к эмоциям, а не к разуму. И, кстати, чтобы подчеркнуть это, вы заметили, как я наклонился вперед и, используя хороший риторический стиль, сказал : «Она апеллирует к эмоциям», и я, говоря это, улавливаю ваши эмоции, ваши чувства. Дело не в том, что риторика сама по себе плоха.

эмоциям — это неправильно . Но манипулирование эмоциями, когда разум отключен, обойден, усыплен, находится под воздействием наркотиков, — это тоже неправильно. В этом разница.

Это создает захватывающий контраст, с которым мы будем работать, переходя к Сократу и Платону. Контраст между использованием тщательного обдумывания, вдумчивой аргументации и философского исследования и использованием риторики. Итак, как вы собираетесь повлиять на точку зрения людей? Каким способом? Риторическим манипулированием эмоциями ? Только этим? Или, по сути, хорошим мышлением, которое становится убедительным?

Итак, это картина софистов. Иногда говорят, что это не вся картина. И действительно, у вас есть фрагмент из «Антифона» того же периода.

Как указывают примечания нашего редактора, он, возможно, был софистом, а возможно, и нет. По этому поводу существуют разногласия. И Антифон, похоже, в этом конфликте скорее один из хороших парней, чем один из плохих.

Посмотрите на страницу 59, где Антифон говорит: «Справедливость заключается в том, чтобы не нарушать закон государства, гражданином которого человек является. Человек может наилучшим образом действовать в согласии со справедливостью, если в присутствии свидетелей он соблюдает законы, а без свидетелей — предписания природы». Обратите внимание, что предписания природы...

Законы навязываются искусственно. Законы природы являются обязательными. Где же высшая власть? Законы принимаются на основе согласия, а не естественного развития.

В отличие от законов природы, где согласие не является вопросом согласия. Если вы не согласны с естественным моральным законом, это ваши проблемы . Это никак не влияет на сам моральный закон, а влияет на вас.

Критика Десяти заповедей заключается не в том, что люди их не соблюдают; критика направлена на тех, кто их не соблюдает. Видите ли, именно это он и пытается донести. Таким образом, если человек, нарушающий свод законов, избегает тех, кто согласился с этими предписаниями, то он избегает позора и наказания.

Если он не избегает тех, кто издал указы, то и не уклоняется от наказания. Его ловят и наказывают. Но если человек нарушает законы, заложенные в природе, даже если ему удаётся избежать обнаружения людьми, то зло от этого не становится меньше.

И даже если все видят, беда не становится больше. Он не пострадал из-за своего мнения по этому поводу. Потому что дело обстоит именно так.

Таким образом, Андертон совершенно очевидно находится на стороне таких людей, как Гесиод и Софокл. Поэтому переход, кажется, становится понятен. Посмотрите вверх страницы 60, и вы увидите там еще один абзац.

Мы почитаем и уважаем тех, кто родился в знатных семьях. Но тех, кто не родился в знатных домах, мы не почитаем и не уважаем. В этом мы подобны варварам.

О, героические добродетели не в счет. Понимаете ? Благородное происхождение. Аристократическая осанка.

Это не считается. В этом отношении мы похожи на варваров. Все мы по природе своей, и варвары, и греки, рождаемся одинаковыми во всех отношениях.

И всем людям разрешено соблюдать законы природы, которые являются обязательными. Таким образом, контраст становится довольно очевидным, когда мы доходим до этого момента. Есть какие-нибудь комментарии ? Вопросы? Вы видите, какие вопросы это поднимает .

Означает ли философское разногласие, подобное тому, что мы наблюдаем у досократиков, что единственным результатом будут скептицизм и релятивизм? В отношении истины и добра? Нет. Не обязательно. Единственная ли альтернатива — заменить стремление к знанию риторикой и стремлением к власти? Нет.

Не обязательно. Но заметьте, если должна быть другая альтернатива, то нам нужна теория познания, которая могла бы утверждать, что знание возможно. Понимаете ? Возможно, проблема досократиков заключалась не в том, что они стремились к знанию, а в том, что они были недостаточно методичны в этом вопросе.

Они строили предположения, стреляли наугад. Своего рода интеллектуальные догадки. Придумывали правдоподобные истории.

Вместо того чтобы прорабатывать проблему, вопрос, трудности, почему-то мы стремимся к какому-то выводу. Другими словами, нам нужна методология познания. Которой, по-видимому, не было у досократиков.

Именно это и рассматривают Платон и Аристотель. Более того, они отвечают на эту очевидную потребность. А попытка понять истинную природу знания в связи с методологиями познания, конечно же, относится к разделу философии, известному как эпистемология.

Таким образом, та часть философской программы, которая была неявной у досократиков, становится явной частью философской программы. Важной её частью. Начиная с Платона.

Итак, до сих пор я говорил о досократиках и о софистах. Следующий на очереди — Сократ.

Есть вопросы или комментарии по поводу софистов ? Да. Нет. Нет, если вы еще не читали материалы Штумпфа, вы найдете там некоторые замечания об их стиле.

Они не представляли собой организованную школу мысли. Они не находились в одном месте. Термин «софист» в буквальном смысле означает «мудрый».

Потому что они утверждали, что обладают мудростью. Их повсеместно считали мудрыми людьми. Обычно они, путешествуя по городам, штатам и другим местам, обучали молодежь.

Странствующие учителя. Понимаете? И они утверждали, что учат их добру.

Но чем же они на самом деле занимались? Дело в том, что их учили не знаниям о том, что хорошо и истинно, а риторическим навыкам. Как добиться успеха на общественной арене, будучи молодым человеком из аристократической семьи.

Как добиться успеха в жизни. Как завоевывать друзей и влиять на людей. И поэтому Платон относится к ним так, будто они предатели наследия истины и справедливости, которые они должны распространять.

Видите ли, да. Так что никакого сотрудничества между ними нет .

Скорее, это были отдельные люди, которые развивали подобные идеи. Хорошо, теперь позвольте мне сказать несколько слов о Сократе. До сих пор я использовал имена Сократа и Платона почти взаимозаменяемо.

Что ж, еще раз, почитайте, что говорит Штумпф. Сократ, похоже, рассматривался афинянами как еще один из этих мудрецов, подобно софистам, которые, возможно, ассоциировались у них с одним и тем же типом людей. Иными словами, его принимали без разбора его коллеги.

Видите ли, такими же были и софисты. Но Сократ был другим. Он был другим.

Он разработал то, что стало известно как сократовский метод. Как он сам говорил, он продолжил семейное дело. Его мать была акушеркой.

Он сказал, что идет по тому же пути. Он — интеллектуальная акушерка, рождающая «мозговых детей», которыми беременны люди. Идеи, которые формируются в их умах, должны выйти наружу и быть изучены.

Поэтому он рассматривает свою деятельность как упражнение, как интеллектуальное воспитание. Почему? Чтобы в стремлении к истине душа могла должным образом развиваться, возвращаться и дисциплинироваться. Его главная забота — не успех, а нравственное воспитание человеческой души.

Забота о душе. И когда мы дойдем до Платона, мы увидим, что он следует этому принципу. Совершенствование души — вот что интересует Платона.

Платон, по-видимому, знал Сократа и перенял его метод. Так уж получилось, что он преподавал и писал более систематично, поэтому до нас дошли труды Платона, и во многих диалогах Сократ является главным героем. Поэтому, когда мы говорим о Сократе, мы говорим, по сути, о том Сократе, которого мы знаем благодаря диалогам Платона.

О нем известно немного независимо от других греческих писателей. Не так уж много. Поэтому Сократ в этом смысле является основоположником мысли, из трудов которого развилось гораздо более широкое и систематическое видение вещей у Платона.

Известное изречение Сократа: «Познай себя», ибо только познав себя, познав состояние своей души, ты сможешь возвращать её дальше. И именно это возвращение, эта забота о душе, является для него первостепенной задачей. Что же он делает в этом стремлении? Во-первых, он пытается заставить людей задуматься об истине, о добре, о добродетелях.

И если вы посмотрите на список диалогов Платона, который я вам предоставил, вы заметите, что там есть самые разные диалоги на разные темы и о разных добродетелях. Вся «Республика» Платона посвящена вопросу: что такое справедливость? Ах да, она начинается с дискуссии между Сократом и другими греками, в том числе софистами, такими как Калликл и Трасимах. И именно в

этом контексте Трасимах говорит: справедливость, о, это интересы сильнейшего.

Что вы имеете в виду под интересом ? Я имею в виду, что справедливость, конечно же, приносит пользу сильнейшим. Сильнейшим. Да, тем, у кого больше власти, больше силы.

А, значит, если бы рабы, будучи физически в лучшем состоянии и физически сильнее, могли свергнуть правителей, то это было бы совершенно справедливо, потому что это в интересах сильнейших? Нет, я этого не говорил. А что вы имеете в виду? И Трасимаху приходится уточнить свои первоначальные утверждения, скорректировать свою первоначальную, необдуманную гипотезу.

Этот процесс поиска ответов на сложные вопросы, заставляющий человека расширить ход своих мыслей, продвинуть их все дальше и дальше, пока не будут выявлены противоречия или не проявятся нелепые выводы, или же начнет проявляться истина — разумная, правдоподобная, непротиворечивая. Это сократовский метод. Это интеллектуальное повитуха.

Это начало того метода, который Платон называет диалектикой. Однако не следует ассоциировать это с марксистской диалектикой, тезисом, антитезисом или синтезом. Это более позднее использование данного термина.

Понятие диалектики буквально уходит корнями в этимологию этого термина. У них есть глагол «думать» (lego). Логос, конечно же, является существительным, соотносящимся с ним.

Диалектика — это предлог «через». Таким образом, диалектика — это просто обдумывание чего-либо. Ничего особенного в этом нет.

Обдумывание чего-либо. Но обдумывание с помощью вопросов: что вы имеете в виду, когда говорите это? Что это подразумевает? Логически ли это согласуется с этим? Какие дальнейшие выводы из этого следует? Время от времени мы пробуем сократовский метод на занятиях. Обычно я использую его в первый день своего вводного курса.

Прежде чем я раздам программу курса (некоторые из вас это помнят), я пишу на доске слово «философия» и говорю: «Вы записались на этот курс, вы умные люди, знаете, зачем вы записались? Скажите, что такое философия?» Я получаю какое-то приблизительное определение, очевидно, довольно поверхностное, как некоторые из вас помнят. И, используя сократовский метод, мы задаём вопросы и оспариваем то, это и другое, и постепенно уточняем, пока не получим нечто, с чем можно будет жить некоторое время. Сократовский метод.

В аспирантуре у меня был преподаватель, который периодически это использовал. Помню, как однажды на продвинутом семинаре по некоторым недавним работам в области философии я высказал замечание по поводу прочитанного, и профессор сказал: «Хорошо, продолжай». Так я наткнулся на другую мысль.

Итак, что же дальше? Нажимай, нажимай, нажимай. Думай, чувак, думай. Диалектика, обдумывание.

Итак, вот в чём метод. Чего он добивается? В случае Сократа — познания истины о моральных идеалах, о добродетелях. Что такое справедливость? Что такое любовь? А как насчёт дружбы? Мужества? И так далее.

Итак, вклад Сократа значителен. Теперь вы знаете историю Сократа. Как его обвиняли в развращении афинской молодежи.

Конечно, учить людей думать — дело опасное. Да, родителям и избирателям не всегда нравится, когда их молодые люди начинают думать то, чего они не хотят, чтобы они думали. Что ж, это давняя проблема.

Не стоит идти в сферу образования, если вы хотите, чтобы вся ваша жизнь протекала без проблем. Но, с другой стороны, Сократ был готов пойти на это. И даже в конце концов он отказался отступить, чтобы избежать казни.

И даже когда ему предоставили возможность сбежать накануне вечером, он отказался. В своем извинении он пишет (этот отрывок не входит в программу курса, но он есть в тексте, на странице 90): «Трудность заключается не в том, чтобы избежать смерти, а в том, чтобы избежать несправедности. Отказаться от того, что он делал, потому что считал это правильным, отказаться от этого предательства, от истины».

А в другом месте он говорит: «Будет ли жизнь стоить того, чтобы её прожить, если будет уничтожена высшая часть человека, душа, которая улучшается справедливостью, но развращается несправедливостью?» Звучит почти так же, как слова Иисуса: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душу свою потеряет?» Видите? Здесь присутствует забота Платона, забота Сократа. То, чем медицина и физические упражнения являются для тела, хорошие законы и отправление правосудия являются для души.

И, как следует из этого, он видит в этом отношении роль города-государства, функцию правительства и свою политическую позицию. Действительно, в трудах Платона вы найдете призыв к критике знаменитого афинского государственного деятеля и оратора Перикла. Платон считает, что Перикл был велик, потому что

уделял внимание разуму и добродетели, и он цитировал Анаксагора и концепцию разума и ума, управляющих всем.

И во внутренней политике Перикл справлялся довольно неплохо. Но, с другой стороны, в отношениях с другими государствами ключом к его действиям была не справедливость, равная справедливость для всех, как это было во внутренней политике, а власть! Понимаете ? И даже внутри страны некоторые из его мер предусматривали вознаграждение граждан за безделье и алчность. Но, особенно во внешней политике, он, похоже, руководствовался принципом, что справедливость означает делать добро своим друзьям и зло своим врагам.

Справедливость означает творить добро своим друзьям и зло своим врагам. Платон с этим не согласился бы. Понимаете ? Нет, потому что Перикл злоупотребил своей мощной риторикой.

Ему следовало использовать это для того, чтобы вселить в души людей умеренность и справедливость и искоренить всякую мысль о несправедливости. Но он этого не сделал. И на протяжении своей карьеры он балансировал между традицией релятивистской риторики, понятно? И рациональным призывом тех, кто верит в существование объективной справедливости, коренящейся в природе вещей .

Перикл. О, Платон критикует поэтов. Гомер.

Послушайте. У него не было опыта работы государственным деятелем или военным советником, и тем не менее он пишет обо всем этом, просто копируя других. У него нет собственных суждений.

Гомер. Видите ли, это одна из причин, почему он говорит, что искусство — это всего лишь копия чего-либо. Гомер просто скопировал.

Подражая Гомеру, он особенно критично относится к софистам. Понимаете ? Своей риторикой они стремились к богатству и власти.

Они не могли провести осмысленного различия между добром и злом. И, как это часто бывает в трудах Платона, в них содержится критика софистической риторики. Да.

Риторика софистов. Далее — Аристотель. Аристотель говорит об ошибках софистов.

Даже в современном английском языке есть слово «софистика». Софистика — это замысловатое, но на самом деле нерациональное понятие.